

**ПОСЯГАТЕЛЬСТВО НА ЖИЗНЬ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЛИ ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ:
СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ТОЛКОВАНИЯ
ПРИЗНАКОВ СОСТАВА**

Ключевые слова. Основы конституционного строя и безопасности государства, посягательство, государственный или общественный деятель, способ, цель и мотив посягательства, окончание преступления, квалификация посягательства при наличии субъективной ошибки.

В ст. 277 УК РФ анализируемое преступление сформулировано как «посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность». Это преступление признается деянием террористического характера¹, следовательно, является составной частью более общего и опасного явления – терроризма².

Общественная опасность и видовой объект преступления в литературе определяется в целом одинаково. Деяние считается представляющим угрозу основам

© Агузаров Т.К., 2012.

* Кандидат юридических наук, депутат Государственной Думы Федерального Собрания РФ. [sgosstr@duma.gov.ru]

¹ Согласно примечанию к ст. 205¹ УК РФ к преступлениям террористического характера относятся деяния, предусмотренные ст. 205, 205¹, 205², 206, 208, 211, 277, 278, 279 и 260 УК РФ.

² Под терроризмом понимается идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий (п. 1 ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146; 2011. № 46. Ст. 6407).

Об основных принципах государственной политики в области противодействия терроризму, целях, задачах и направлениях дальнейшего развития общегосударственной системы противодействия терроризму в Российской Федерации см.: Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации, утв. Президентом РФ 5 октября 2009 г. // Российская газета. 2009. 20 октяб.

конституционного строя России и политической стабильности, поскольку создает обстановку, при которой могут обостриться противоречия в политической сфере, претерпеть урон авторитет государства на международной арене³.

Однако в теории уголовного права высказаны и другие мнения, во многом отличающиеся нюансами. Это особенно заметно по полемике между С.В. Дьяковым и А.В. Наумовым, критикующими друг друга по поводу классификации преступлений, объединенных в гл. 29 УК РФ, в основу которой каждый из авторов кладет непосредственный объект соответствующего деяния. В конечном счете А.В. Наумов вынужден признать, что «классификация таких преступлений есть просто-напросто *рабочая классификация*, позволяющая понять юридическую природу рассматриваемых преступлений, не претендую на абсолютную “научную строгость и чистоту”»⁴.

А.И. Рарог считает, что рассматриваемое преступление посягает на политическую систему РФ⁵, А.В. Наумов – на конституционный принцип политического многообразия и многопартийности⁶.

С.В. Бородин исходил из того, что посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля нарушает внутреннюю безопасность государства⁷. Аналогичную точку зрения высказывает Е.В. Благов⁸. Однако следует согласиться с утверждением о том, что «группы преступлений, выделяемых в ли-

³ См., например: Уголовное право России. Особенная часть / под ред. Ф.Р. Сундурова, М.В. Талан. М., 2012. С. 632.

⁴ См.: *Наумов А.В.* Российское уголовное право. В 3 т. Т. 3: Особенная часть. М., 2011. С. 345–346.

⁵ См.: Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. А.И. Чучаева. М., 2012. С. 312.

По сути, аналогичным образом определяют объект Р.Р. Галиакбаров (см.: Уголовное право. Особенная часть. М., 1999. С. 439), Н.И. Ветров (см.: *Ветров Н.И.* Уголовное право. Особенная часть. М., 2000. С. 373), А.Б. Беляев (см.: Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. М.П. Журавлева, С.И. Никулина. М., 2000. С. 361); С.И. Никулин (см.: Уголовная право России. Общая и Особенная части / под ред. В.К. Дуюнова. М., 2008. С. 570) и др.

⁶ См.: *Наумов А.В.* Российское уголовное право. В 3 т. Т. 3. С. 352.

К конституционному принципу политического многообразия и многопартийности как объекту преступления, предусмотренного ст. 277 УК РФ, И.Л. Марогулова добавляет принцип равенства граждан (см.: Уголовное право Российской Федерации / отв. ред. В.П. Кашепов. М., 1999. С. 454). На наш взгляд, это добавление искажает суть общественных отношений, терпящих урон при совершении данного деяния. Кроме того, принцип сам по себе не может быть признан объектом посягательства вообще и применительно к посягательству на жизнь государственного или общественного деятеля в частности.

⁷ См.: Уголовное право России. В 2 т. Т. 2: Особенная часть. М., 1998. С. 609.

⁸ См.: *Благов Е.В.* Особенная часть уголовного права. М., 2012. С. 308.

См. также: *Маршакова Н.Н.* Классификация в российском уголовном законодательстве (теоретико-прикладной анализ). Н.Новгород, 2009. С. 150.

тературе как посягательства только на внешнюю или только на внутреннюю безопасность, явно неоднородны и нуждаются в большей дифференциации...», «... классификация преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства в зависимости от их непосредственного объекта должна быть более дробной»⁹.

В.В. Лунеев¹⁰ и Г.М. Миньковский¹¹ в качестве объекта посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля признают основы конституционного строя, тем самым еще более затушевывая специфику данного преступления.

Крайне неудачно определяет объект Ю.Е. Пудовочкин. По его мнению, им являются общественные отношения, складывающиеся во внутривнутриполитической сфере реализации государственного суверенитета¹². Указание на «сферу» лишь обозначает область, где эти общественные отношения складываются, но ничего не говорит о том, по поводу чего они складываются и каково их содержание.

Одновременно с этим при определении социальной направленности рассматриваемого преступления автор предлагает исходить из идеи дифференцированного анализа его объекта в зависимости от того, осуществляется ли посягательство на жизнь с целью прекращения деятельности потерпевшего или из мести за такую деятельность. Суть этой идеи, высказанной применительно к преступлению, предусмотренному ст. 317 УК РФ¹³, имеющему аналогичную конструкцию, заключается в следующем. В ситуации посягательства на жизнь потерпевшего с целью прекращения его профессиональной деятельности лишение жизни является необходимым условием посягательства на отношения, которые реализуются деятельностью потерпевшего, а поэтому концепция составного объекта в данном случае вполне приемлема (в рассматриваемом преступлении такой объект будет состоять из отношений, гарантирующих суверенитет государства¹⁴ и безопасность личности). Если же виновный мстит за уже осуществленную законную деятельность потерпевшего, то он, по логике вещей, уже не в состоянии нарушить отношения по поводу деятельности, имев-

⁹ Российское уголовное право. В 2 т. Т. 2. Особенная часть / под ред. А.И. Рагоа. М., 2003. С. 651.

¹⁰ См.: Курс российского уголовного права. Особенная часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М., 2002. С. 817.

¹¹ См.: Уголовное право России. Общая и Особенная части / под ред. В.П. Ревина. М., 2000. С. 694.

¹² См.: Уголовное право России. Общая и Особенная части / под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2008. С. 939.

¹³ См.: Саруханян А.Р. Преступления против порядка управления. Ставрополь, 2003. С. 44–45.

¹⁴ В этом случае одна из составляющих объекта преступления, предусмотренного ст. 277 УК РФ, также определяется неточно.

шей место в прошлом, и тогда, по сути, деяние виновного направлено на один объект – жизнь потерпевшего (в связи с чем, по мнению Ю.Е. Пудовочкина, возникает вопрос о целесообразности квалификации посягательства на жизнь государственного деятеля из мести за его деятельность по нормам о преступлениях против безопасности государства)¹⁵. На наш взгляд, для подобного подхода к толкованию объекта преступления нет ни социальных, ни правовых оснований.

Все без исключения авторы выделяют дополнительный объект преступления, предусмотренного ст. 277 УК РФ, – жизнь государственного или общественного деятеля. Такое сочетание объектов, как правило, в литературе объясняется следующим образом. «...Основной объект... более полно отражает сущностную характеристику совершаемого деяния, его социальную направленность. В защите именно этого объекта от посягательства и состоит цель законодателя при принятии уголовного закона. Второй объект является необходимым элементом... Наличие дополнительного объекта существенно повышает степень общественной опасности... преступлений по сравнению с деяниями, посягающими на один объект...»¹⁶.

Однако, по мнению А.А. Тер-Акопова, признание приоритета человека над иными социальными ценностями требует нового понимания объекта уголовно-правовой охраны. Он всегда должен признаваться самостоятельным объектом преступного посягательства; по сути, это всегда основной объект уголовно-правовой охраны¹⁷. Это утверждение заслуживает пристального внимания, полностью согласуется со ст. 2 УК РФ.

На наш взгляд, в качестве объекта преступления следует признавать неприкосновенность личности государственного или общественного деятеля.

¹⁵ См.: Уголовное право России. Общая и Особенная части / под ред. А.В. Бриллиантова. С. 939–940.

¹⁶ Курбанов М.М. Уголовно-правовая охрана субъектов уголовного процесса. Махачкала, 2001. С. 58.

¹⁷ Тер-Акопов А.А. Проблемы личности в уголовном праве // Человек: преступление и наказание. Рязань, 1994. С. 56.

Г.П. Новоселов вообще считает, что «...г) объектом любого преступления, а не только направленного против личности, являются люди, которые в одних случаях выступают в качестве отдельных физических лиц, в других – в виде некоторого рода множества лиц, имеющих или не имеющих статуса юридического лица, в-третьих, – в виде социума (общества);

д) не только объектом каждого преступления, но и каждым объектом (много-объектного) преступления выступают люди – индивиды или их малые или большие группы;

е) в отличие от фигуры потерпевшего от преступления, возникающей в результате совершения посягательства и фиксирующей сам факт нанесения какого-либо вреда людям, характеристика объекта преступления – это определение того, против кого преступление совершено» (Новоселов Г.П. Актуальные вопросы учения об объекте преступления: методологические аспекты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 23).

При таком подходе интересы политической системы РФ не утрачивают своего уголовно-правового значения; они характеризуют особый статус указанных потерпевших и проявляются в осуществляемых ими функциях как представителей государственной власти или общественных объединений, реализующих отдельные направления внутренней или внешней политики государства.

Как утверждал О.Е. Кутафин, «анализ статей Конституции РФ, посвященных неприкосновенности, позволяет сделать вывод о том, что неприкосновенность включает невмешательство и защищенность»¹⁸.

Невмешательство предполагает обязанность государства обеспечить состояние его определенной автономии от государства, общества и других людей посредством установления необходимых запретов, а также закрепления определенного правового статуса или определенного режима социальной деятельности человека¹⁹. Защищенность охватывает охрану и защиту человека. Н.В. Витрук писал: «Под охраной понимаются меры, осуществляемые государственными органами и общественными организациями, направленные на предупреждение нарушения прав и обязанностей...»

Под защитой же понимается принудительный (в отношении обязанного лица) способ осуществления права, применяемый в установленном порядке компетентными органами либо самим управомоченным лицом в целях восстановления нарушенного права»²⁰.

Необходимо различать неприкосновенность личности вообще и неприкосновенность власти. Сравнивая неприкосновенность личности с депутатской неприкосновенностью, Ф.М. Рудинский видел следующее различие между ними: «...Термин “неприкосновенность” относится здесь к различным субъектам общественных отношений. В одном случае речь идет о неприкосновенности индивидуума, в другом – члена народного представительства. Правом неприкосновенности личности обеспечивается личная безопасность отдельных лиц. Право депутатской неприкосновенности предназначено для иных целей»²¹. М.А. Амеллер подчеркивал, что назначение указанной неприкосновенности состоит в том, «чтобы гарантировать бесперебойную работу и полную независимость парламента. Иммуниет установлен в интересах парламента, а не в интересах его членов»²².

Таким образом, неприкосновенность личности государственного или об-

¹⁸ Кутафин О.Е. Избранные труды. В 7 т. Т. 4. Неприкосновенность в конституционном праве Российской Федерации. М., 2011. С. 11.

¹⁹ См. об этом подробно: Романовский Г.Б. Право на неприкосновенность частной жизни. М., 2001. С. 28–34.

²⁰ Конституционный статус личности в СССР. М., 1980. С. 202–203.

²¹ Рудинский Ф.М. Личность и социалистическая законность. Волгоград, 1976. С. 68–69.

²² Амеллер М.А. Парламенты. М., 1967. С. 118.

ественного деятеля в первую очередь преследует цель нормального функционирования политической системы государства, основные направления деятельности которой отражены в правовом статусе соответствующего лица. О.Е. Кутафин пишет: «Применительно к **власти** неприкосновенность – одна из важнейших гарантий статуса официальных лиц, выполнения ими своих обязанностей...»²³.

Неприкосновенность государственного или общественного деятеля в смысле ст. 277 УК РФ распространяется на его жизнь и здоровье²⁴.

Понятие потерпевшего в законе не конкретизировано, в указанной статье УК РФ использованы родовые понятия: государственный или общественный деятель. Их легального определения в действующем законодательстве РФ не встречается. В литературе чаще всего приводится определенный перечень руководителей страны и должностных лиц высших органов законодательной, исполнительной и судебной власти, а также прокуратуры РФ и ее субъектов. К их числу, как правило, относят: Президента РФ, Председателя и членов Правительства РФ, депутатов Государственной Думы и членов Совета Федерации Федерального Собрания РФ, председателей Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, Высшего Арбитражного Суда РФ, Генерального прокурора РФ, руководителей субъектов РФ, руководителей федеральных органов исполнительной власти и лиц, занимающих аналогичные должности субъектов Федерации и др.

Общественными деятелями признаются лица, состоящие в руководстве или активно участвующие в работе политических партий, общественных движений и объединений, фондов, профессиональных и иных союзов на федеральном или региональном уровнях²⁵.

А.Н. Игнатов в круг указанных лиц включает и глав органов местного самоуправления²⁶, тогда как А.В. Наумов специально оговаривает: «Государственным деятелем может быть признано лицо, занимающее достаточно высокий пост в государстве»²⁷. Это мнение кажется предпочтительнее.

Е.А. Иванченко²⁸ при определении потерпевшего предлагает исходить

²³ Кутафин О.Е. Указ. соч. С. 12.

А.П. Горшенев рассматриваемый вид неприкосновенности называл специальной неприкосновенностью личности (см.: Горшенев А.П. Личные конституционные права граждан: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1972. С. 88).

²⁴ См. об этом подробно: Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М., 1999. С. 179.

²⁵ См., например: Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. А.И. Чучаева. С. 312.

²⁶ См.: Игнатов А.Н., Красиков Ю.А. Курс российского уголовного права. В 2 т. Т. 2. Особенная часть. М., 2002. С. 768.

²⁷ Наумов А.В. Российское уголовное право. В 3 т. Т. 3: Особенная часть. С. 353.

²⁸ См.: Российское уголовное право. В 2 т. Т. 2. Особенная часть / под ред. Э.Ф. Побегайло. М., 2008. С. 578.

из Федерального закона РФ от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации»²⁹ и Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»³⁰. Эта рекомендация не решит проблему установления круга лиц, признаваемых потерпевшими по ст. 277 УК РФ; ее использование лишь даст возможность определить виды соответствующих служб в Российской Федерации и не более того.

Многие авторы без каких-либо оговорок относят к потерпевшим судей (некоторые, правда, говорят только о федеральных судьях, тем самым, надо полагать, исключают из их числа мировых судей; другие называют только «чинов высшей судебной власти»³¹).

На наш взгляд, при признании судьи потерпевшим в преступлении, предусмотренном ст. 277 УК РФ, во-первых, надо иметь в виду, что Уголовный кодекс содержит специальную норму об ответственности за посягательство на его жизнь (ст. 295 УК РФ). Во-вторых, согласно п. 3 ст. 3 Закона РФ от 25 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» судья не вправе «принадлежать к политическим партиям, материально поддерживать указанные партии и принимать участие в их политических акциях и иной политической деятельности». Уголовный закон охраняет лишь деятельность, не противоречащую закону. Следовательно, судьи как таковые не могут признаваться потерпевшими в рассматриваемом преступлении, посягательство на их жизнь в зависимости от целей и мотивов деяния охватывается ст. 105 или 295 УК РФ. Государственной деятельностью занимаются лишь руководители высших судебных органов страны и судов субъектов Федерации, в частности определяя судебную политику, например, в сфере гражданского (арбитражного) или уголовного судопроизводства. Посягательство на их жизнь в связи с данной деятельностью подпадает под признаки преступления, предусмотренного ст. 277 УК РФ.

Противоречивые суждения высказаны в литературе относительно признания потерпевшим государственного или общественного деятеля зарубежных стран. Так, одни авторы утверждают, что «объектом рассматриваемого преступления может быть и жизнь **иностранного государственного или общественного деятеля в связи с его государственной или общественной деятельностью**, направленной на укрепление дружеских связей и отношений России с ее субъектами»³². Другие, наоборот, полагают «... целесообразным включить в УК РФ специальную статью об ответственности за посягательство

²⁹ См.: СЗ РФ. 2003. № 22. Ст. 2063.

³⁰ См.: СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

³¹ См.: Уголовное право. Особенная часть / отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. М., 1998. С. 576.

³² Уголовное право. Особенная часть / отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. С. 576.

на жизнь государственного деятеля иностранного государства»³³, тем самым считают, что указанная категория лиц не охраняется нормой, предусмотренной в ст. 277 УК РФ.

По нашему же мнению, обе позиции необоснованы. Посягательство на жизнь иностранного государственного или общественного деятеля не затрагивает основы конституционного строя и безопасности Российской Федерации, а направлено на мир и безопасность человечества. Именно поэтому законодатель, во-первых, уже предусмотрел уголовную ответственность за нападение на представителя иностранного государства или сотрудника международной организации, пользующегося международной защитой (ст. 360 УК РФ), во-вторых, включил соответствующую норму в гл. 34 раздела XII «Преступления против мира и безопасности человечества» УК РФ. Авторами, предлагающими дополнить УК РФ соответствующей нормой, эти обстоятельства, к сожалению, не учитываются. Так, формулируя проект ст. 277² УК РФ, А.В. Седых указывает: «Убийство представителя иностранного государства, совершенное в целях прекращения его деятельности или осложнения международных отношений...»³⁴.

Объективная сторона преступления характеризуется посягательством на жизнь государственного или общественного деятеля. Термин «посягательство» вместо веками устоявшегося понятия «убийство» впервые использовано в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1962 г.³⁵, в соответствии с которым Уголовный кодекс РСФСР дополнен ст. 191², предусматривающей ответственность за посягательство на жизнь работника милиции или народного дружинника в связи с их служебной или общественной деятельности по охране общественного порядка³⁶. Такой шаг законодателя в теории уголовного права вызвал целую дискуссию, суть которой сводится к двум основным моментам: во-первых, что понимать под посягательством на жизнь; во-вторых, обоснованность применения самого термина. По этому поводу Я.М. Брайнин даже заметил: «Неопределенность термина “посягательство” ... породила целую литературу этого вопроса»³⁷.

Одна группа ученых исходит из буквального значения слова «посягательство», означающего попытку (незаконную или осуждаемую) сделать что-нибудь, распорядиться чем-нибудь, получить что-нибудь³⁸, делая на этом

³³ *Игнатов А.Н., Красиков Ю.А.* Курс российского уголовного права. В 2 т. Т. 2. Особенная часть. С. 770.

³⁴ *Седых А.В.* Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля по уголовному управу Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. С. 6.

³⁵ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1962. № 17. Ст. 177.

³⁶ См.: Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1962. 29. Ст. 449.

³⁷ *Брайнин Я.М.* Уголовный закон и его применение. М., 1967. С. 235.

³⁸ См.: *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1995. С. 561.

основании вывод о том, что закон под посягательством имеет в виду только покушение на убийство³⁹. Например, Э.Ф. Побегайло высказал мнение, что «по своей юридической природе “посягательство на жизнь” ... является покушением на убийство, выделенным законодателем в особый состав в целях общего предупреждения»⁴⁰. Аналогичную позицию занимал С.В. Бородин⁴¹.

А.А. Герцензон, наоборот, полагал, что рассматриваемое понятие в уголовном законе тождественно оконченному преступлению, а не покушению на преступление⁴².

Несколько неопределенно трактовал понятие посягательства О.Ф. Шишов. Он писал: «“Преступное посягательство” в ряде случаев может включать в себя и действие, и последствие преступного деяния, в ряде случаев – только действие ... и, наконец, покушение на совершение того или иного преступления»⁴³.

Другая группа ученых, пытаясь обосновать отказ от привычного термина «убийство» и замены его термином «посягательство», считают, что законодатель имел в виду нечто большее, чем просто убийство или покушение на него. Например, П.Ф. Гришаев и М.П. Журавлев⁴⁴, П.С. Елизаров⁴⁵, помимо указанного, включали в него причинение тяжких телесных повреждений, опасных для жизни; С.И. Дементьев⁴⁶ – причинение тяжкого телесного повреждения, повлекшего смерть потерпевшего. Г.Ф. Поленов писал: «Объективную сторону посягательства на жизнь ... образуют как действия, которые привели к наступлению смерти..., так и действия, которые обусловили возможность наступления смерти»⁴⁷. Е.А. Сухарев даже высказал мнение, что посягательством на жизнь следует признавать насильственные действия, направленные

³⁹ См.: Николаева З.А. Уголовно-правовая охрана жизни, здоровья, достоинства лиц, участвующих в охране общественного порядка: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1986. С. 12–13.

⁴⁰ Побегайло Э.Ф. Умышленные убийства и борьба с ними. Воронеж, 1965. С. 78.

⁴¹ См.: Бородин С.В. Квалификация убийств по советскому уголовному праву. М., 1963. С. 51.

⁴² См.: Герцензон А.А. Понятие преступления. М., 1965. С. 54.

⁴³ Курс советского уголовного права. В 6 т. Т. 6. М., 1971. С. 267.

⁴⁴ См.: Гришаев П.Ф., Журавлев М.П. Преступления против порядка управления. М., 1963. С. 30.

⁴⁵ См.: Елизаров П.С. Преступления против порядка управления. Киев, 1964. С. 29.

⁴⁶ См.: Дементьев С. Об ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников // Социалистическая законность. 1963. № 4. С. 43.

По сути, таким же образом трактует рассматриваемое понятие Н.И. Ветров (см.: Ветров Н.И. Преступления против порядка управления. М., 1989. С. 20).

⁴⁷ Поленов Г.Ф. Ответственность за преступления против порядка управления. М., 1966. С. 40.

на причинение любого вреда личности работника милиции или народного дружинника, если этим заведомо для виновного создается реальная возможность наступления смерти⁴⁸.

Широкий разброс мнений о содержании термина «посягательство на жизнь», как отмечал П.П. Осипов, в немалой степени обусловлен тем, что авторы пытались определить его объем только исходя из характеристики объективной стороны преступления, без учета субъективных признаков⁴⁹.

Определенную ясность в трактовку термина «посягательство на жизнь» внес Пленум Верховного Суда СССР, который в Постановлении от 3 июля 1963 г. «О судебной практике по применению законодательства об ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников» разъяснил, что «под посягательством на жизнь надлежит рассматривать убийство или покушение на убийство работника милиции или народного дружинника в связи с их деятельностью по охране общественного порядка» (п. 4)⁵⁰. Свою позицию по этому вопросу Пленум Верховного Суда СССР подтвердил в Постановлении от 22 сентября 1989 г. «О применении судами законодательства об ответственности за посягательства на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, народных дружинников, а также военнослужащих в связи с выполнением ими обязанностей по охране общественного порядка», разъяснив, что «под посягательством на жизнь надлежит рассматривать убийство или покушение на убийство работника милиции или народного дружинника в связи с их деятельностью по охране общественного порядка. Такие действия, независимо от наступления преступного результата, следует квалифицировать как оконченное преступление...»⁵¹.

⁴⁸ См.: *Сухарев Е.А.* Ответственность за преступления, посягающие на деятельность представителей власти и общественности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1964. С. 7.

Схожую позицию занимали Е.А. Козельцев (см.: *Козельцев Е.А.* Преступления против деятельности работников милиции и народных дружинников по охране общественного порядка: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1967. С. 12) и М.К. Аниязц (см.: *Аниязц М.К.* Ответственность за преступления против жизни. М., 1964. С. 103).

⁴⁹ См.: Курс советского уголовного права. В 5 т. Т. 4. Л., 1978. С. 463.

На это же обстоятельство обращает внимание А.Ю. Кизилев. Он пишет: «... Чтобы сделать правильный вывод о направленности умысла..., необходимо учитывать способ и орудие преступления, количество, характер и локализацию телесных повреждений. Так, выстрел в сотрудника правоохранительного органа или военнослужащего, нанесение удара топором, использование автомобилей и различных механизмов для лишения жизни... независимо от наступления последствий свидетельствуют о направленности действий на лишение жизни» (*Кизилев А.Ю.* Уголовно-правовая охрана управленческой деятельности представителей власти. Ульяновск, 2002. С. 74).

⁵⁰ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1986. М., 1987. С. 686.

⁵¹ Сборник действующих постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и Российской Федерации по уголовным делам. М., 1999. С. 465.

Аналогичным образом рассматриваемое понятие разъяснялось в постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 24 сентября 1991 г. «О судебной практике по делам о посягательстве на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, народных дружинников и военнослужащих в связи с выполнением ими обязанностей по охране общественного порядка»⁵². Такая трактовка посягательства на жизнь в целом была воспринята в теории уголовного права и практике применения судами ст. 277, 295 и 317 УК РФ⁵³.

Однако некоторые криминалисты и в настоящее время высказывают мнения, существовавшие до указанных официальных разъяснений. Так, В. Мальцев полагает, что «под посягательством на жизнь и здоровье подразумевается главным образом угроза убийством, насилием, уничтожением или повреждением имущества»⁵⁴, т.е. угроза убийством отождествляется автором с посягательством на жизнь.

Двойственную позицию в трактовке анализируемого понятия занимает Е.И. Климкина. Она считает, что его содержание надо устанавливать исходя из сущности преступления: в ст. 295 УК РФ его следует определять только как убийство или покушение на убийство, а в ст. 277 УК РФ – как «убийство, покушение на убийство, а равно иные умышленные насильственные действия, заведомо создающие для виновного реальную возможность наступления смертельного результата»⁵⁵. Такое неоднозначное толкование одного и того же уголовно-правового признака недопустимо, оно не способствует единообразию судебной практики.

В связи с тем, что понимание термина «посягательство на жизнь» как убийства или покушения на убийство является ныне господствующим в теории уголовного права, практическое значение приобретает вопрос об уголовно-правовой оценке приготовления к убийству государственного или общественного деятеля. Преступление, предусмотренное ст. 277 УК РФ, относится к категории особо тяжких, поэтому приготовление к нему является уголовно наказуемым. И коль скоро оно не охватывается понятием посягательства на жизнь, то естественной представляется его квалификация как приготовление к убийству лиц, названных в ст. 277 УК РФ. Однако возникает вопрос о том, надлежит ли такое деяние квалифицировать как приготовление к убийству, предусмотренному п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ, или к преступлению, предусмотренному ст. 277 УК

⁵² См.: Там же. С. 473.

⁵³ Подобным образом сформулированы аналогичные нормы в уголовном законодательстве ряда зарубежных стран, например ст. 379 УК Украины (см. об этом подробно: *Агузаров Т.К.* Уголовно-правовое обеспечение функционирования государственной власти: сравнительно-правовое исследование. Владикавказ, 2010).

⁵⁴ *Мальцев В.* Уголовно-правовая охрана должностных лиц и граждан в связи со служебной или общественной деятельностью // *Законность.* 1996. № 1. С. 11.

⁵⁵ *Климкина Е.И.* Понятие посягательства в уголовном праве // *Уголовно-правовая охрана личности и ее оптимизация.* Саратов, 2003. С. 197.

РФ. При решении этого вопроса необходимо дать надлежащую оценку субъективной окраске приготовительных действий. Если виновный осознает указанный в законе статус потерпевшего и при этом преследует цель прекратить государственную или иную политическую деятельность потерпевшего или руководствуется мотивом мести за такую деятельность, то его подготовительные действия охватываются ч. 1 ст. 30 и ст. 277 УК РФ.

Анализируя объективную сторону рассматриваемого преступления, нельзя оставить без внимания вопрос о форме деяния; он имеет принципиальное значение не только для теории уголовного права, но и для судебной практики. В науке уголовного права нет единой точки зрения по этому поводу. Одни авторы считают возможным совершение посягательства только путем действия, другие, хотя и с оговорками, допускают и бездействие⁵⁶.

Деяние выступает родовым понятием по отношению к действию и бездействию. Однако понятие «посягательство» по объему не совпадает с понятием деяния, оно уже последнего и предполагает агрессивное поведение, направленное на причинение смерти потерпевшему⁵⁷. На активный характер посягательства указывали еще дореволюционные юристы. Например Н.С. Таганцев признавал его нападением⁵⁸.

С известной долей условности можно сказать, что посягательство синонимично нападению, поэтому с объективной стороны преступление, предусмотренное ст. 277 УК РФ, может быть совершено только посредством насильственных действий, но не путем бездействия или психического воздействия на потерпевшего⁵⁹. Правда, само понятие насилия не следует толковать чрезмерно узко и ограничивать его лишь действиями, влекущими смерть в результате механических повреждений организма потерпевшего. В этом плане важным представляется разъяснение Пленума Верховного Суда РФ, данное в Постановлении от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»: «В случаях, когда в целях хищения чужого имущества в

⁵⁶ См., например: *Кизилов А.Ю.* Уголовно-правовая охрана управленческой деятельности представителей власти. С. 74.

⁵⁷ См.: *Курбанов М.М.* Уголовно-правовая охрана субъектов уголовного процесса. С. 95.

⁵⁸ См.: *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 1. С. 199.

Также раскрывается его форма в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 16 августа 1984 г. № 14 «О применении судами законодательства на необходимую оборону от общественно опасных посягательств» (см.: Сборник действующих постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и Российской Федерации по уголовным делам. С. 58).

⁵⁹ А.И. Санталов вообще отождествлял эти понятия (см.: *Санталов А.И.* Грабеж и разбой. Вопросы квалификации // Криминологические и уголовно-правовые проблемы борьбы с насильственной преступностью. Л., 1988. С. 150.

организм потерпевшего против его воли или путем обмана введено опасное для жизни или здоровья сильнодействующее, ядовитое или одурманивающее вещество с целью приведения потерпевшего в беспомощное состояние, содеянное должно квалифицироваться как разбой»⁶⁰.

Точно так же следует расценивать как посягательство на жизнь насильственное или путем обмана введение в организм потерпевшего смертельно опасного количества наркотических средств, психотропных, сильнодействующих или ядовитых веществ с целью причинить смерть.

Сказанное обуславливает необходимость хотя бы коротко остановиться на проблеме способа совершения преступления⁶¹. По нашему мнению, под ним можно понимать признак объективной стороны преступления, характеризующий прием или комплекс приемов, обеспечивающих исполнение основного общественно опасного деяния⁶². Способ характеризует механизм причинения вреда объекту преступления, качественное своеобразие преступного действия, операциональные особенности⁶³. Его содержание связано со всеми другими признаками состава преступления.

⁶⁰ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2.

⁶¹ В общетеоретическом плане проблема определения способа совершения преступления относится к числу дискуссионных (см.: *Жордания И.Ш.* Структура и правовое значение способа совершения преступления. Тбилиси, 1977; *Зуйков Г.Г.* Криминалистическое учение о способе совершения преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1970; *Ковалев М.И.* Проблемы учения об объективной стороне состава преступления. Красноярск, 1991; *Кругликов Л.Л.* Способ совершения преступления (вопросы теории): дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1971; *Кудрявцев В.Н.* Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение // Советское государство и право. 1957. № 8; *Панов Н.И.* Основные проблемы способа совершения преступления в советском уголовном праве: дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1987; *Пионтковский А.А.* Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961; *Пономарева Н.П.* Уголовно-правовое значение способа совершения преступления: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1970; *Фомичева М.А.* Угроза как способ совершения преступления: основания криминализации, виды и характеристика. Владимир, 2007; *Шкеле М.В.* Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001; *Яцеленко Б.В.* Уголовно-правовое значение способа совершения преступления: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1983 и др.

⁶² В этом случае способом совершения преступления может выступать и так называемое дополнительное деяние, или деяние вспомогательного характера, которое является служебным по отношению к основному деянию и состоит в умышленном использовании виновным дополнительных факторов, облегчающих совершение преступления (см. об этом подробно: *Кругликов Л.Л.* Способ совершения преступления (вопросы теории): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1971. С. 6).

⁶³ Известный психолог А.Н. Леонтьев пишет, что «помимо своего интенционального аспекта (что должно быть достигнуто), действие имеет и свой операциональный аспект (как, каким способом это может быть достигнуто), который определяется не самой по себе целью, а объективно-предметными условиями ее достижения (*Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977. С. 107).

Характер деяния в первую очередь определяется объектом преступления. «... Подверженность тем или иным внешним воздействиям обусловлена внутренней природой того, на что оказывается воздействие, а также предметом преступления...»⁶⁴. Исходя из объекта рассматриваемого преступления и потерпевшего⁶⁵, можно говорить только об одном способе воздействия на последнего – физическом. Признание посягательства нападением исключает из его содержания психическое воздействие вообще, в том числе и при лишении жизни государственного или общественного деятеля.

В теории уголовного права физическое воздействие понимается по-разному. Одни ученые воспринимают его как процесс, другие – как результат этого процесса⁶⁶. Кроме того, воздействие наделяется различным содержанием. Например, В.И. Симонов, с одной стороны, утверждал, что «с внешней стороны физическое насилие – это применение мускульной силы к телу (корпусу) другого человека»⁶⁷, с другой стороны, допускал возможность воз-

64 *Бойцов А.И.* Понятие насильственного преступления // Криминологические и уголовно-правовые проблемы борьбы с насильственной преступностью. С. 137.

65 Государственный и общественный деятели являются носителями соответствующих статусов. Но потерпевший как живой организм остается природным существом, подчиняющимся биологическим закономерностям, на уровне же созидательной психики он обращен к социальному бытию. Известный генетик Н.П. Дубинин, подчеркивая неразрывное единство физического и духовного, биологического и социального, пишет: «Человек является единством двух взаимодействующих, но качественно различных подструктур – надбиологической, обеспечивающей его социальную сущность, и биологической, составляющей предпосылку его социального существования» (*Дубинин Н.П.* Что такое человек. М., 1988. С. 18).

66 В.И. Ткаченко отождествлял процесс воздействия с его результатом. Он считал, что «внешней формой убийства может быть только действие, притом действие, непосредственно связанное с нарушением анатомической целостности человеческого тела, с физическим воздействием на его органы, т.е. с физическим вредом». Исходя из этого, автор пришел к выводу, что, во-первых, убийство может быть совершено только путем действия, во-вторых, его невозможно осуществить путем психического воздействия (*Ткаченко В.И.* Квалификация преступлений против жизни и здоровья по советскому уголовному праву. М., 1977. С. 8).

В дальнейших своих рассуждениях В.И. Ткаченко допускает известное противоречие. Так, он пишет: «... Действие при убийстве может состоять только в насилии как болезнетворном воздействии на ткани человеческого организма»; «в хрестоматийном примере об отказе матери кормить своего новорожденного ребенка ее действия подпадают под признаки ст. 125 УК – оставление в опасности»; «судебная практика не знает дел об убийстве путем психического воздействия, которое в литературе именуется психическим насилием». В то же время он признает, что «теоретически слово может убить человека, но только того, кто страдает тяжелым сердечно-сосудистым недугом» (*Ткаченко В.И.* Понятие и виды убийства // Труды филиала Московской государственной юридической академии в г. Кирове. Киров, 2001. С. 5–6).

67 *Симонов В.И.* Уголовно-правовая характеристика физического насилия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1972. С. 4–5; *Он же.* Характеристика насилия как уголовно-правового понятия // Гарантии конституционных прав личности при осуществлении правосудия. Пермь, 1980. С. 23.

действия на организм не только путем физического насилия, но и путем обмана (последнее он иллюстрировал примером об угощении потерпевшего ядовитыми грибами)⁶⁸. Н.И. Панов также полагает, что рассматриваемый способ совершения насильственного преступления выражается в физическом воздействии на телесную сферу (биологическую подструктуру) человека, причиняющем физическую боль, вред здоровью либо даже жизни⁶⁹. Как уже указывалось, неправомерно таким образом ограничивать содержание насилия.

Т.И. Нагаева пишет, что «насильственный характер является хотя и существенным, но недостаточным признаком для отграничения нападения от других насильственных преступлений. В арсенале способов описания объективных признаков насильственных деяний у законодателя имеется множество приемов. Он использует следующие термины и словосочетания: “причинение смерти” (ст. 105–109 УК); “причинение вреда здоровью” (ст. 111, 112, 115 УК); “посягательство на жизнь” (ст. 317 УК); “насильственные действия” (ст. 132 УК); “применение насилия” (ст. 318, 321 УК) и др.»⁷⁰.

С операциональной точки зрения, посягательство как нападение представляет собой сложный поведенческий акт⁷¹. В п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» нападение трактуется именно как действия, направленные на достижение преступного результата⁷².

Как правило, при анализе насилия в литературе указывается, что оно совершается против воли потерпевшего. Однако оно налицо и в том случае, когда воздействие осуществляется помимо воли государственного или общественного деятеля. Другими словами, посягательство может быть как открытым, так и тайным.

М.М. Курбанов делает обоснованный вывод: «...Использование термина “посягательство” в описании преступления..., с одной стороны, позволило расширить стадийную характеристику преступления, с другой же стороны,

⁶⁸ *Симонов В.И.* К вопросу о понятии физического насилия // Сборник аспирантских работ Свердловского юридического института. Вып. 13. Свердловск, 1971. С. 236.

⁶⁹ См.: *Панов Н.И.* Квалификация насильственных преступлений. Харьков, 1986. С. 13.

⁷⁰ *Нагаева Т.И.* Формы и виды преступного деяния. М., 2012. С. 161.

⁷¹ См. об этом подробно: *Гравина А., Яни С.* Правовая характеристика нападения как элемента объективной стороны разбоя // Советская юстиция. 1981. № 7. С. 19; *Ивахненко А.М.* Квалификация бандитизма, разбоя, вымогательства: проблемы соотношения составов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. С. 89; *Севрюков А.П.* Криминологическая и уголовно-правовая характеристика грабежей и разбоев, совершаемых с незаконным проникновением в жилище, и их предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 151; и др.

⁷² Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 3.

наоборот, сузить содержание деяния, ограничить способы его совершения. ... В таком законодательном решении достоинств практически нет. На данное обстоятельство обращали внимание многие специалисты, однако ... Уголовный кодекс породил еще одну проблему, связанную как с квалификацией некоторых преступных случаев, так и назначением наказания»⁷³.

Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля следует признавать оконченным преступлением с момента совершения действий, направленных на лишение жизни и объективно создавших непосредственную угрозу наступления смерти потерпевшего.

Обстоятельства времени и места совершения преступления, предусмотренного ст. 277 УК РФ, на квалификацию не влияют. Посягательство на жизнь может быть совершено во время исполнения потерпевшим функций государственного или общественного деятеля, до или после этого. В двух последних случаях промежуток времени между осуществлением потерпевшим указанных функций и посягательством на его жизнь уголовно-правового значения не имеет.

Субъективная сторона посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля характеризуется прямым умыслом, специальным мотивом или специальной целью. Содержанием интеллектуального элемента умысла охватываются, во-первых, свойства совершаемого действия, т.е. его способность причинить смерть, во-вторых, направленность действия на лишение жизни именно указанного в законе потерпевшего, а волевого элемента – желание причинить смерть именно этому лицу.

Ошибочным представляется мнение А.Н. Игнатова о том, что рассматриваемое преступление «может быть совершено как с *прямым*, так и с *косвенным* умыслом, покушение на убийство совершается только с прямым умыслом»⁷⁴.

Во-первых, как уже указывалось, специфика описания в законе объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 277 УК РФ, не позволяет выделить покушение на жизнь государственного или общественного деятеля; во-вторых, наличие специальной цели исключает косвенный умысел. В-третьих, «в формальных составах волевое содержание умысла исчерпывается волевым отношением к самим общественно опасным действиям (бездействию)... Следовательно, при совершении преступлений с формальным составом волевой элемент умысла всегда заключается в *желании совершить* общественно опасные действия, запрещенные уголовным законом, он может быть только прямым»⁷⁵.

⁷³ Курбанов М.М. Уголовно-правовая охрана субъектов уголовного процесса. Махачкала, 2001. С. 100.

⁷⁴ Игнатов А.Н., Красиков Ю.А. Курс российского уголовного права. В 2 т. Т. 2. Особенная часть. С. 770.

⁷⁵ Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб., 2003. С. 86–87.

Согласно закону посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля преследует цель прекращения его государственной или общественной деятельности, мотивом выступает месть за такую деятельность. Таким образом, данные признаки субъективной стороны являются альтернативно обязательными. Другими словами, для квалификации преступления по ст. 277 УК РФ не требуется одновременного наличия и цели, и мотива, а достаточно любого из двух указанных признаков⁷⁶.

Убийство государственного или общественного деятеля с другой целью или по другим мотивам не подпадает под признаки рассматриваемого деяния, подлежит оценке как преступление против личности.

Согласно п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», «если лицо совершает посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля... путем совершения взрыва, поджога или иных действий подобного характера в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, содеянное надлежит квалифицировать по статье 205 УК РФ.

Когда посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля хотя и совершается указанными способами, но в целях прекращения его государственной или политической деятельности либо из мести за такую деятельность, содеянное квалифицируется по статье 277 УК РФ»⁷⁷.

В связи с анализом содержания и направленности умысла виновного возникает практически важный вопрос об уголовно-правовой оценке посягательства на жизнь при наличии субъективной ошибки в личности потерпевшего, когда, например, вместо государственного или общественного деятеля лишается жизни человек, который таковым не является. Согласно господствующей в науке уголовного права точке зрения, в этом случае имеет место покушение на совершение того преступления, которое отражалось сознанием виновного, следовательно, его действия надлежит квалифицировать по ч. 3 ст. 30 и той статьей Особенной части УК РФ, которая устанавливает ответственность за оконченное преступление в соответствии с направленностью умысла. Но это не согласуется с разъяснениями приведенных выше постановлений Пленума Верховного Суда СССР и Пленума Верховного Суда РСФСР относительно квалификации неудавшейся попытки убийства потерпевшего как оконченного преступления. В связи с этим среди ученых в данном вопросе нет единого мнения.

Применительно к посягательству на жизнь работника милиции или народного дружинника О.Ф. Шишов высказал следующее мнение: «Когда субъект,

⁷⁶ См. об этом подробно: *Рарог А.И.* Настольная книга судьи по квалификации преступлений. М., 2006. С. 158–160.

⁷⁷ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.

полагая, что посягает на жизнь работника милиции или народного дружинника, на самом деле причиняет вред жизни или здоровью других граждан, действия виновного следует квалифицировать по правилам об ошибке в объекте, когда объекты посягательства имеют различное юридическое значение. В этих случаях содеянное надлежит квалифицировать как покушение на жизнь работника милиции и народного дружинника (ст. 15 и ст. 191² УК РСФСР), а также как соответствующее оконченное преступление против личности»⁷⁸.

Приведенное мнение интересно признанием возможности покушения на преступление с так называемым усеченным составом. Однако оно неприемлемо в другой части – в части квалификации такого деяния по совокупности преступлений, когда при одном потерпевшем юридически фиксируется наличие двух убийств, одно из которых или оба признаются неоконченными. Неприемлемость такого решения очевидна применительно к УК РФ, в соответствии с которым наказания, назначенные за каждое из посягательств на жизнь, должны обязательно складываться.

Более целесообразным с практической точки зрения является предложение квалифицировать лишение жизни лица, ошибочно принятого виновным за конкретного работника милиции или народного дружинника, как покушение на убийство указанного в законе потерпевшего. Правда, эта рекомендация ведет к появлению такой юридической конструкции, как «покушение на покушение», которая не известна российскому законодательству и отрицается подавляющим большинством ученых, исходящих из того, что покушение на преступление с усеченным составом в принципе невозможно.

Между тем отдельными специалистами приводятся весьма веские аргументы в пользу возможности покушения на преступление, имеющего такой состав, при воображаемом наличии квалифицирующего признака либо при неудавшейся попытке причинить последствия, имеющие квалифицирующее значение (например, разбой, соединенный с неудачной попыткой причинить тяжкий вред здоровью)⁷⁹.

Возможность покушения на преступление, которое в законе определено как «посягательство на жизнь», обосновывается, например А.И. Рагогом.

⁷⁸ Курс советского уголовного права. В 6 т. Т. VI. С. 272.

Несколько иначе предлагают решать этот вопрос Ю.М. Ткачевский и И.М. Тяжкова. Они пишут: «В случаях фактической ошибки, когда субъект убивает не государственного или общественного деятеля, а иное лицо (например, охранника, водителя), ответственность наступает по совокупности за посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля и умышленное убийство иного лица» (Курс уголовного права. В 5 т. Т. 5. Особенная часть / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М., 2002. С. 29).

⁷⁹ См., например: Гаухман Л.Д. Борьба с насильственными посягательствами. М., 1969. С. 92; Кригер Г.А. Квалификация хищений социалистического имущества. М., 1971. С. 154; и др.

Признание таких преступлений оконченными с момента совершения действий, непосредственно направленных на лишение жизни, и невозможность стадии покушения на эти преступления А.И. Рарог признает верным «во всех случаях, когда сознание виновного правильно отражает объективные свойства совершаемого деяния. Но ситуация меняется, если посягающий допускает ошибку в личности потерпевшего: желая лишить жизни, например государственного деятеля, в целях прекращения его государственной деятельности, он по ошибке принимает за него другого человека, стреляет в него и промахивается. Налицо *неудавшаяся* попытка посягнуть на жизнь государственного деятеля, но не реальное посягательство. Квалифицировать деяние по ст. 277 УК РФ невозможно, поскольку жизнь государственного деятеля не находилась в реальной опасности и основам конституционного строя Российской Федерации ничто не угрожало. Но с учетом *субъективной* направленности деяния на этот объект преступление следует квалифицировать как покушение на преступление, предусмотренное ст. 277 УК РФ, хотя с точки зрения формальной логики такая квалификация представляется не совсем обычной – покушение на покушение»⁸⁰.

Рассматривая несколько иное деяние, когда виновный, намереваясь убить государственного деятеля, по ошибке *убил* другого человека, А.И. Рарог делает вывод, что «и в этом случае нет оснований квалифицировать его как оконченное преступление, поскольку основам конституционного строя Российской Федерации также ничто реально не угрожало. Для приведения направленности умысла в соответствие с фактическим содержанием преступления опять-таки следует применить юридическую фикцию – деяние, доведенное до логического завершения, квалифицировать как покушение на преступление, предусмотренное ст. 277 УК»⁸¹.

Приведенные суждения и аргументы представляются достаточно убедительными и вполне приемлемыми для обоснования квалификации посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля, когда виновный ошибочно принимает за такое лицо другого человека. Квалификация подобного рода посягательств в случае наступления смерти потерпевшего по ч. 3 ст. 30 и ст. 277 УК РФ особых сомнений не вызывает, поскольку это соответствует общепризнанным положениям теории уголовного права об ошибке в объекте преступления. Но и в случаях, когда действия, направленные на причинение смерти, не привели такому исходу, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля при ошибке в личности потерпевшего следует квалифицировать как «покушение на покушение», т.е. по ч. 3 ст. 30 и ст. 277 УК РФ.

В теории уголовного права высказывались предложения по совершенствованию законодательного регулирования ответственности за посягатель-

⁸⁰ Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. С. 212.

⁸¹ Там же.

ство на жизнь государственного или общественного деятеля⁸². По нашему мнению, все они носят паллиативный характер. Например, А.В. Седых предлагает ст. 277 УК РФ сформулировать следующим образом: «Убийство государственного или общественного деятеля, совершенное в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность...»⁸³. Нетрудно заметить, что в этом случае ухудшается уголовно-правовая охрана неприкосновенности личности указанного в законе деятеля, в частности, за ее пределами остается причинение вреда здоровью потерпевшего, не охватываемого покушением на жизнь государственного или общественного деятеля.

Автор предлагает убийство Президента Российской Федерации, совершенное в целях прекращения его государственной деятельности либо из мести за такую деятельность, криминализировать самостоятельно, сформулировав соответствующую норму в ст. 277 УК РФ (действующую статью указать под номером 277¹ УК РФ)⁸⁴.

Сама по себе идея заслуживает поддержки, однако она должна быть реализована в рамках более общего подхода к уголовно-правовой охране Президента РФ, который имеет место в зарубежном законодательстве⁸⁵, т.е. самостоятельной главы УК РФ.

На наш взгляд, ст. 277 УК РФ целесообразно представить в таком виде:

«Статья 277. Причинение вреда здоровью или убийство государственного или общественного деятеля

1. Умышленное причинение вреда здоровью государственного или общественного деятеля, совершенное в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность, – наказывается...»

2. Убийство государственного или общественного деятеля, совершенное в тех целях или по тому же мотиву, – наказывается...».

Материал поступил в редакцию 17 сентября 2012 года.

⁸² См., например: *Маркова Т.Ю.* Убийство в связи с осуществлением лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 11.

⁸³ *Седых А.В.* Указ. соч. С. 6.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ См. об этом подробно: *Агузаров Т.К.* Уголовно-правовое обеспечение функционирования государственной власти: сравнительно-правовое исследование. Владикавказ, 2010